

УДК 332.135 (5-191.2) (575.2) (04)

ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

И.В. Волков – первый секретарь Посольства России
в Кыргызской Республике

The investigation of bases, forms and prerequisites for integration in Central Asia shows that the involvement of Central Asian states in the world economy is possible only in cooperation with Russia.

Современная Центральная Азия представляет сосредоточение бесчисленного множества культурных, цивилизационных, политических и экономических проектов¹. Даже если учитывать только членство в международных организациях, она может быть отнесена и к постсоветскому пространству (СНГ, ОДКБ), и к Европе (ОБСЕ), и к исламскому миру (Исламская конференция, Организация экономического сотрудничества), и может рассматриваться в качестве специфического евразийского проекта (ЕврАзЭС, ШОС). В культурно-антропологическом плане Центральная Азия ассоциируется частично с кочевой, частично – с оседлой культурой, частично – с исламским миром, частично – с бывшей Российской Империей. Заметный отпечаток на регион наложила и модернизация, сопряженная с интенсивной русификацией и активным преобразованием традиционных институтов, усилившей пестроту центральноазиатской мозаики. Дополнительные цвета в эту палитру внесли различные варианты постсоветского развития, связанные с выбором демократии или авторитаризма, централизованной или рыночной модели экономики.

¹ *Казанцев А.А.* Центральная Азия: институциональная структура международных взаимодействий в становящемся регионе // Политические исследования. – 2005. – №2. – С. 78–87.

Рассмотрим предпосылки, формы и проблемы к региональной интеграции Центральной Азии. В настоящее время численность населения региона превысила 60 млн. человек, что сопоставимо с Ираном и Турцией, вдвое больше численности Афганистана, и примерно вдвое меньше Пакистана. В демографическом плане данная зона относится к числу наиболее быстрорастущих: численность коренных национальностей Туркестана в предстоящие столетия увеличится, по меньшей мере, в три раза².

Но в советское время для государств Центральной Азии также был характерен самый высокий прирост населения. За 50–80-е годы численность населения выросла в 2,6 раза в Узбекистане и Таджикистане, в 2,4 – в Туркменистане, в 2,1 – в Кыргызстане, в 1,7 – в Казахстане (для сравнения в России эта цифра составляет 1,2 раза)³.

Внутри СССР Центральная Азия рассматривалась как единый экономический регион. Ему отводилось особое место в межрегиональном разделении труда с упором на поставки сырья; многие жизненно важные ресурсы и

² *Зиядуллаев Н.* Государства Центральной Азии в условиях глобализации: современные тенденции и перспективы // Центральная Азия и Кавказ. – 2006. – №6(48). – С. 146.

³ *Народонаселение мира. 1998 год.* – Нью-Йорк: NFPA, 1999. – С. 86.

продукты направлялись в район из России, что предопределило конфигурацию современных транспортных путей; в экономических связях не учитывались административные границы, ставшие ныне государственными. Таким образом, экономическое пространство региона было единым, что противоречит современному статусу независимых государств, но создает предпосылки для интеграционных процессов в регионе.

Если использовать для сравнения показатели предкризисного для большинства стран бывшего СССР 1991 г., то Центральная Азия в целом опережала по душевым показателям Индию, Китай, Иран, Турцию и Пакистан. Страны Центральной Азии располагались в порядке убывания ВВП на душу населения в такой последовательности: Казахстан (3185 долл. на душу населения), Туркменистан (2270 долл.), Кыргызстан (2030 долл.), Узбекистан (1740 долл.)¹.

За годы советской власти возникла тесная взаимозависимость всех республик. Так, в 1991 г. на долю других республик бывшего СССР приходилось 81% товарооборота Туркменистана, 89% – Казахстана, 90% – Узбекистана, 99% – Кыргызстана². Сокращение этих связей и вызвало падение производства в центральноазиатских государствах.

Надо отметить, что Центральная Азия как новый претендент на самостоятельную роль в мировом хозяйстве находится далеко не в худшем положении³.

Важной предпосылкой региональной интеграции является наличие в Центральной Азии огромных запасов природных ресурсов, в том числе углеводородов. Вследствие этого в

постсоветский период возросло значение Центральной Азии как региона, играющего важную роль в обеспечении энергетической безопасности различных стран и регионов мира⁴. Контроль над энергетическими ресурсами и экспортными путями из евразийского Хартленда стремительно превращается в один из центральных политических вопросов после “холодной войны”⁵.

Каспийский бассейн и Центральная Азия обладают достаточно внушительными запасами нефтегазовых ресурсов. Только разведанные нефтяные запасы Казахстана и Азербайджана – 2,2 млрд. т, а запасы природного газа Туркмени, Азербайджана и Казахстана – 5,55 трлн. куб. м.⁶

В последнее время в странах постсоветской Центральной Азии наблюдается определенный экономический рост. По производству электрической энергии регион, вырабатывая около 160 млрд. кВт.ч., занимает 12-е место в мире, по добыче нефти (примерно 80 млн. т) – 8-е место, газа (свыше 80 млрд. куб. м) – 7-е место в мире⁷.

На динамику экономического роста в значительной степени повлиял интерес зарубежных государств к ресурсам. Высокий темп экономического роста отмечается с 2000 г. в Казахстане (в пределах 9–13%) и Таджикистане (8–10%). Сверхвысокие темпы – в Туркменистане (16–20%)⁸.

Сегодня “погоду” в мировом экономическом развитии во многом делают топливно-энергетические ресурсы, прежде всего нефть и газ. И здесь преимущества у Казахстана, Туркменистана и Узбекистана, которые входят в число 15 стран, обладающих наибольшими доказанными залежами углеводородного сы-

¹ Рассчитано по: International Financial Statistics. Supplement on Countries of the Former Soviet Union. International Monetary Fund. 1993. – Washington, 1993.

² Там же.

³ Акимов А.В. Поиск места в мировом хозяйстве. – Центральная Азия: пути интеграции в мировое сообщество. – М., 1995. – С. 91. Узбекистан занимает лидирующие позиции в мире по производству хлопка, 4-е место в мире по общим запасам золота – 4 тыс. т, в Туркменистане – газ, в Кыргызстане и Таджикистане – золото и уран.

⁴ Шайхутдинов М. Глобализация и национальное государство: проблемы и противоречия // Казахстанская правда. – 2005. – 28 янв.

⁵ Nuriyev E.E. Crossroads and Conflict: Security and Foreign Influences in the Caucasus: An Azeri Perspective // Southeast European and Black Sea Studies, September 2001. – Vol. 1. – №3. – P. 155.

⁶ BP World Energy Outlook 2003. – P. 4, 20.

⁷ Койчугев Т. Постсоветская Центральная Азия в мировой политике и экономике // Реформа. – 2006. – №32. – С. 7.

⁸ Койчугев Т. Указ. соч. – С. 5–8.

рья. Причем 77,4% этих запасов приходится на Казахстан, а значит, и потенциал роста находится в этой стране¹.

В связи с этим реализация инициативы России по созданию центральноазиатского объединения экспортеров нефти и газа, поддержанная Узбекистаном и Казахстаном, открывает для этих государств более широкий доступ на зарубежные рынки, следовательно, увеличивает их доходы от экспорта энергоносителей. Одним из важных элементов глобальной энергетической политики может стать создание единого энергетического пространства в рамках ШОС – регионального “энергетического клуба”, где будут представлены как страны-производители энергосырья (Россия, Казахстан, Узбекистан и примыкающий к ШОС Иран; впоследствии, возможно, Туркменистан и Азербайджан), так и страны-потребители (Китай, Таджикистан, Кыргызстан, а также Индия и Пакистан)².

Страны региона являются потенциальными поставщиками голубого топлива для Китая, Японии, Южной Кореи, Индии и Пакистана.

Значительно может быть расширено использование в регионе гидроэнергии. Таджикистан обладает 60,5%, Кыргызстан – 31,1% запасов гидроэнергетических ресурсов постсоветской Центральной Азии³.

Кроме того, Центральная Азия имеет огромный транзитно-транспортный потенциал. Она находится на перекрестке важнейших сухопутных торговых путей, соединяющих Восток и Запад, Север и Юг. Включение государств Центральной Азии в мировые транспортные схемы выгодно не только для региона, но и для всего континента⁴.

По мнению директора Института геополитических исследований и международных отношений Казахстано-Российского университета М. Шайхутдинова, в случае стабилизации си-

туации в Афганистане и других прилегающих государствах, Центральная Азия станет одним из ключевых транспортных коридоров Евразии. Вследствие чего, географические недостатки региона превратятся в его преимущества⁵.

Исследуя формы региональной интеграции, следует отметить, что Центральная Азия должна позиционировать себя на мировой арене не просто как совокупность государств, которым по воле истории суждено было стать соседями, а как единый организм, имеющий собственные внешнеполитические и экономические интересы и последовательно эти интересы реализующий⁶. Сегодня это осознается политическими лидерами всех центральноазиатских государств: успешное развитие в различных формах интеграционных процессов может стать важной составной частью стратегии стягивания и контроля геостратегического пространства.

Отношение к единству региона – это, по сути, своего рода “лакмусовая бумажка” для проверки истинных намерений любых внешнеполитических игроков. Сегодня центральноазиатские страны оказались объектами мировых процессов. Их переход от объектности к субъектности возможен только в форме полноценной региональной интеграции⁷.

Интеграционный процесс в Центральной Азии рассматривается нами как объективная необходимость, обусловленная территориальной общностью, общностью коммуникаций, базовых и ведущих отраслей экономики, необходимостью совместной эксплуатации водохозяйственных и энергетических объектов.

С 1994 по 2005 г. в Центральной Азии был создан и функционировал ряд интеграционных образований без участия России, а именно: Центральноазиатский союз (ЦАС – 1994 г.), Центральноазиатское экономическое сообщество (ЦАЭС – 1997 г.) и, наконец, организация “Центральноазиатское сотрудничество” (ОЦАС

¹ Койчурев Т. Указ. соч. – С. 5–8.

² Каримова Г.И. Предпосылки формирования единого энергетического рынка в рамках ШОС // Мир. – 2005. – №4. – С. 155.

³ Койчурев Т. Указ. соч. – С. 5–8.

⁴ Егорян Р. Казахстан: состояние и перспективы транспортных коридоров // Центральная Азия и Кавказ. – 2003. – №3. – С. 170–178.

⁵ Шайхутдинов М. Глобализация и национальное государство: проблемы и противоречия // Казахстанская правда. – 2005. – 28 янв.

⁶ Там же.

⁷ Толитов Ф.Ф. Стратегическая дилемма Центральной Азии // Россия в глобальной политике. – 2006. – №4.

– 2001 г.; интегрировала в ЕврАзЭС в 2005 г.). История деятельности этих интеграционных объединений убедительно доказала несостоятельность идеи самостоятельного объединения государств региона в условиях так называемого переходного периода.

Стремясь к региональному лидерству, Президент Казахстана Н. Назарбаев с конца 90-х годов выдвинул ряд интеграционных инициатив: создание Евразийского союза (ЕАС), Союза центральноазиатских государств (СЦАГ – 2005 г.), которые не были поддержаны центральноазиатскими государствами. В продолжение своих “интеграционных устремлений” Н. Назарбаев в ходе визита 27 апреля 2007 г. в г. Бишкек подписал с К. Бакиевым договор о создании Высшего межгосударственного совета и Совета министров иностранных дел Казахстана и Киргизии (двух наднациональных структур будущего “двойственного союза Казахстан-Киргизия”).

Если провести параллель с ЕС, где интеграционным центром является Германия, такой же центр необходим и для интеграционных процессов в Центральной Азии. Однако потенциал ни одного из государств, претендующих на лидерство в регионе, не является достаточным для этой роли. В связи с этим, региональная интеграция государств Центральноазиатского региона (ЦАР) без участия России не может быть успешной.

Следует отметить, что негативное влияние на интеграционные процессы в Центральной Азии оказывает позиция США. Преднамеренные действия США, поддерживающие лидерство Казахстана в региональной интеграции, направлены на раскол в двусторонних отношениях Казахстана с Россией и Узбекистаном, а также на срыв интеграционных процессов в ЦАР.

Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что правящей администрацией США уже почти взят на вооружение интеграционный проект “Большая Центральная Азия”, автором которого стал видный политолог Фредерик Стар¹. Суть данного плана по созданию новой организации “Партнерство по сотруд-

¹ Стар Ф. Партнерство для Центральной Азии // Россия в глобальной политике. – 2005. – №4.

ничеству и развитию Большой Центральной Азии” состоит в том, чтобы связать в единое военно-стратегическое и геополитическое целое Центральную Азию и Афганистан, оторвать Центральную Азию от евразийского пространства и изолировать государства региона от России и Китая. Как считает историк М. Лаумулин, “слияние Центральной Азии в один сосуд с архаичным Афганистаном может изменить европейский вектор в развитии Центральной Азии и прервать процесс модернизации”². Вместе с тем, очевидно, что без четкой позиции государств Центральной Азии и России, создание в будущем полноценного регионального объединения центральноазиатских государств будет неэффективным.

Новый этап интеграции в регионе характеризуется переориентацией интеграционных приоритетов центральноазиатских государств на такие региональные объединения, как ЕврАзЭС, ОДКБ и ШОС.

При этом участие в двух из них России и Китая в среднесрочной и долгосрочной перспективе является важным фактором для стабильности в Центральной Азии, поскольку эти государства в определенной степени являются гарантами нынешнего статус-кво в регионе. Такие перемены уже видны на примере изменения политического курса Узбекистана³.

Представляется очевидным, что при всем разнообразии своей внешнеполитической деятельности, интеграционные объединения в Центральной Азии заняли важное место в арсенале внешнеполитических инструментов, как в РФ, КНР, так и центральноазиатских государств.

Например, долгосрочная цель ШОС – создание региональной свободной торгово-экономической зоны. В связи с этим в сентябре 2006 г. был утвержден проект создания

² Лаумулин М. Большая Центральная Азия – новый мегапроект США? // Новая Большая игра в Большой Центральной Азии. Мифы и реальность. – Бишкек, 2005. – С. 31–32.

³ Как известно, официальный Ташкент в 2001 г. присоединился к участникам Шанхайского форума, в 2005 г. вышел из состава ГУУАМ (Грузия, Украина, Узбекистан, Азербайджан, Молдова), вступил в ЕврАзЭС, а в 2006 г. восстановил членства в ОДКБ.

транспортного коридора от Каспия до КНР по территориям России, Казахстана, Узбекистана и Кыргызстана. Государства Центральной Азии, не имеющие прямого выхода к морю, без участия России и Китая потеряют ключевое значение в “соединении” Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР).

Следовательно, в самом ближайшем будущем ШОС станет мощным регулирующим и притягательным во всех отношениях фактором в Центральной, Южной и Юго-Восточной Азии, а также АТР в целом.

Положение Центральной Азии имеет немало достоинств, и в то же время характеризуется рядом очевидных недостатков. Наиболее заметной географической характеристикой региона является его удаленность от стран с наиболее развитой рыночной экономикой. Государства региона обладают различным ресурсным потенциалом и придерживаются разных моделей и темпов реформирования своей экономики¹.

Центральная Азия соседствует с целым рядом открытых очагов нестабильности. На первый план в регионе выходят угрозы, связанные с терроризмом, религиозным экстремизмом, международным наркобизнесом и организованной преступностью.

Наиболее остро обозначили себя противоречия, связанные с водо- и землепользованием. Водная проблематика является одной из ключевых в регионе. Основная нагрузка, связанная с содержанием и эксплуатацией энергетических объектов, лежит на государствах верхнего течения трансграничных рек, к которым относится и Кыргызстан. При этом действующий механизм не позволяет Кыргызстану достигать баланса в потребностях в топливно-энергетических ресурсах в многоводные годы.

В вопросе экспорта электроэнергии на внешние рынки Кыргызстан и Таджикистан сталкиваются с рядом трудностей: Казахстан в зимний период прекращает импорт и транзит через свои сети энергии с кыргызских ГЭС, а Узбекистан (несмотря на вхождение в

ЕврАзЭС) отказывает в пропуске экспортной таджикской электроэнергии в Казахстан и Россию в летние периоды, а также ее импорт в Таджикистан в зимнее время. Если Кыргызстан имеет возможность экспортировать электроэнергию в Казахстан и Россию в летне-осенний период, то его конкурент Таджикистан изолирован Узбекистаном.

Из-за сложившегося энергодефицита Казахстан, Россия, а затем и США² стали предпринимать меры по выводу Таджикистана из энергетической и транспортной изоляции Узбекистана. В частности, власти Таджикистана с помощью Ирана пытаются реализовать проект строительства новой ЛЭП в Казахстан и Россию, в обход Узбекистана, через территорию Кыргызстана. Однако в этом случае конкуренция кыргызскому энергетическому сектору со стороны более мощных таджикских гидроэлектростанций, способна выдвинуть республику с рынков электроэнергии Казахстана, России и Китая.

Для урегулирования создавшейся ситуации требуется изменение существующих схем взаимодействия и в первую очередь скорейшего создания Международного водно-энергетического Консорциума (которое неоправданно затягивается).

Серьезной остается проблема распределения энергоносителей (в первую очередь узбекского газа) между странами региона. Узбекистан, например, постоянно оказывает “газовое давление” на Казахстан и Кыргызстан, пытаясь извлечь за счет жесткой ценовой политики различные финансовые и экономические выгоды. В ответ Казахстан (из-за задолженности Ташкента) приостанавливает транзит узбекских поездов через свою территорию. Таджикистан вынужден приобретать узбекскую электроэнергию по ценам выше мировых и т.п.

Существенной проблемой для региона является миграция. Например, в Кыргызстане внутренняя миграция – из села в город – составляет около 800 тыс. человек, в основном в

¹ Богатырев В.Б. Центральная Азия: формирование нового региона / Analytic. – 2003. – №2. – С. 10.

² Вашингтон, предложив в апреле 2006 г. проект создания единой энергосистемы в Центральной и Южной Азии от Казахстана до Индии, стремится усилить конкуренцию и противоречия между отраслями экономик стран ЦА.

Бишкек и Чуйскую область. Внешняя миграция: в Россию и Казахстан – более 1 млн. человек. При этом отмечается, что если раньше региональный расклад трудовых мигрантов Кыргызстана в этих странах был примерно одинаковым, то в последние годы их основным поставщиком стал юг республики.

Это обусловлено, в первую очередь, безработицей, перенаселенностью и нехваткой воды и земли в Ферганской долине¹. Как считает А. Гушер, плотность населения в некоторых местах Ферганской и Зарафшанской долинах (при средней плотности 100–300 человек на 1 км²), достигает 500–600, а в отдельных местах до 1000 человек на 1 км²². Таких районов в мире – единицы. Незрелость экономики и плотность населения ведут к росту бедности: Ферганская долина – один из наиболее бедных регионов Центральной Азии и в ближайшие годы ситуация здесь останется крайне напряженной.

Вторая причина связана с перераспределением рабочей силы. Часть относительно дешевой рабочей силы (трудовых мигрантов) из Узбекистана оседает в Кыргызстане и в ряде случаев заменяет тех мигрантов-кыргызов, которые остаются в России и Казахстане.

Согласно подсчетам А.В. Акимова, к 2020 г., в случае продолжения миграционных тенденций в Центральной Азии, численность населения Узбекистана составит 46,93% населения всего региона³.

¹ На территории долины проживают более 7 млн. человек, из них 75% – в сельской местности. Большую часть населения составляют узбеки (не только в узбекской, но также в таджикской и киргизской частях).

² Гушер А.И. Центральная Азия: проблемы и перспективы развития политической и экономической ситуации. – <http://www.analitika.org/article.php?story=2005031823562544>; Акимов А.В. Поиск места в мировом хозяйстве // Центральная Азия: пути интеграции в мировое сообщество. – М., 1995. – С. 91.

³ Akimov A. Population Dynamics in Central Asia and Adjacent Countries from 1960 to 2020. – Ethnic Challenges Beyond Borders..., P. 140.

Сегодня население Узбекистана – самое большое среди постсоветских государств Центральной Азии – 26,8 млн. человек (темпы ежегодного естественного прироста – одни из самых высоких в мире и составляют около 700 тыс. человек). Узбекистану катастрофически не хватает земельных и водных ресурсов.

Однако, на наш взгляд, наличие проблем, существование общих вызовов и угроз, а также их объективная оценка могут стать решающими доводами в пользу объединения усилий государств Центральной Азии и превращения региона в полноценный и самостоятельный субъект внешней политики⁴.

Подводя итоги исследования предпосылок, форм и проблем интеграции государств Центральной Азии считаем, что включение их в мировое хозяйство возможно только на основе региональной интеграции. При этом следует учитывать исторически сложившуюся роль России в обеспечении безопасности и развитии экономики региона. Её участие в региональной интеграции становится стратегически и экономически выгодным для всех центральноазиатских государств.

Страны Центральной Азии и Россия уже создали интеграционные структуры. Так, организация ЕврАзЭС, основанная на принципе взаимной экономической заинтересованности стран в образовании единого рынка, и на условиях, предлагаемых самими центральноазиатскими государствами, стала полноправным участником международных отношений и субъектом международного права. Другие региональные международные организации, но в более широком масштабе – ОДКБ и ШОС – возникли как ответ на потребность в формировании интеграционных структур, которые представляли бы всех основных региональных игроков и тем самым в разных форматах служили бы механизмом многосторонних консультаций и соглашений в области обеспечения стабильности и коллективной безопасности.

⁴ Толипов Ф. Некоторые теоретические аспекты центральноазиатской геополитики. – <http://ftolipov.freenet.uz>.